

Дипломатическое посредничество.

Въ сентябрѣ 1580 года, не дожидаясь даже возвращенія Рѣзанова, Иванъ рѣшилъ апеллировать къ Риму. Его новому посланцу, Истомѣ Шевригину, было поручено добиваться посредничества папы и представить «Батуру», какъ союзника султана. Иванъ продолжалъ коверкать имя короля—отчасти по незнанію, отчасти же изъ презрѣнія. Результаты этой попытки не могли, однако, сказаться сейчасъ же. Въ то же время послы царя, умножая уступки и терпя весьма тяжкія обиды, переѣзжали съ мѣста на мѣсто въ свитѣ побѣдителя. Въ январѣ 1581 года имъ было приказано отправиться въ Варшаву. Тамъ они рассчитывали добиться перемирія и предварительныхъ условій мира, увеличивъ число ливонскихъ городовъ сравнительно съ тѣмъ, что они предлагали раньше. Однако, они получили такой отвѣтъ: «либо вся Ливонія, либо война». Они сообщили въ своемъ донесеніи, что угрозами и оскорбленіями ихъ принудили цѣловать руку королю, и что король не поднялся на этотъ разъ при имени царя и даже не поручилъ имъ отъ себя привѣтствовать ихъ государя. Такимъ образомъ, послы должны были уйти съ пустыми руками.

Иванъ понялъ, что надо уступить. Приходилось склоняться передъ судьбой все ниже и ниже. Онъ написалъ «Батуръ» очень смиренное письмо, въ которомъ впервые называлъ короля братомъ и извѣщалъ о присылкѣ новаго посольства. Послы Евстафій Михайловичъ Пушкинъ, Ѳеодоръ Андреевичъ Писемскій и Андрей Трофимовъ получили приказъ безъ жалобъ перенести всѣ униженія и даже побои. Вотъ до чего дошелъ царь!

Онъ предлагалъ теперь всю Ливонію за исключеніемъ четырехъ городовъ. Онъ отказывался даже отъ своего титула. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не смогъ удержаться и примѣшалъ къ своей кротости желчь, приправилъ свою величайшую уступку ѣдкимъ замѣчаніемъ. Послы должны были заявить, что все-таки ихъ господинъ «государь не со вчерашняго дня». И если ихъ спросятъ, что они подъ этимъ подразумеваютъ, отвѣтить: «Тотъ самъ себя знаетъ, кто со вчерашняго дня государь».

Умъ Грознаго всегда имѣлъ опаснаго врага въ его темпераментѣ. Иванъ былъ человѣкомъ, который готовъ былъ отдать въ жертву своей прихоти цѣлую провинцію, а затѣмъ исправлять бѣду какойнибудь новой уступкой своего достоинства, которое онъ думалъ такимъ способомъ поддерживать...

Онъ такъ торопилъ своихъ пословъ съ отъѣздомъ, что они прибыли въ Вильну, въ условленное мѣсто свиданія съ Баторіемъ, гораздо раньше назначеннаго срока. Вопреки всякимъ вѣроятіямъ, царь еще надѣялся помѣшать возникновенію враждебныхъ дѣйствій.

Но для польскаго короля Вильна была лишь этапомъ на пути новыхъ побѣдъ, которыя онъ замышлялъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда въ Вильну прибылъ король, московскіе послы узнали, что кромѣ Ливоніи отъ нихъ требуютъ Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, всю Сѣверскую область и 400,000 дукатовъ военнаго вознагражденія. Послѣ этого Пушкинъ и его товарищи поѣхали въ Москву за инструкціями. Баторій отправилъ съ ними своего посла съ ультиматумомъ. Въ немъ король, въ дѣйствительности, ограничилъ свои требованія: кромѣ Ливоніи и военнаго вознагражденія, онъ требовалъ только разрушенія нѣкоторыхъ пограничныхъ крѣпостей. Онъ соглашался ждать отвѣта только до 4-го іюня.

Въ это время миссія Шевригина уже принесла первый плодъ. Я расскажу ниже, какъ папа далъ себя соблазнить приманкой посредничества. Если бы даже это посредничество имѣло полный успѣхъ, даже

тогда оно не могло бы, съ точки зрѣнія интересовъ католицизма, компенсировать тѣ выгоды, какія общала католицизму рѣшительная побѣда Польши. Назначенный посредникомъ іезуитъ Поссевинъ находился въ Вильнѣ, и одно его присутствіе представляло для Ивана неоцѣнимую помощь. *Roma locuta erat*. Святой престолъ высказывался противъ продолженія войны. Польша будетъ остановлена въ своемъ порывѣ, и если она будетъ упорствовать, ее удержатъ громы Ватикана. По крайней мѣрѣ, такъ думалъ царь. Онъ тотчасъ же выпрямился и обошелся съ Жерзекомъ приблизительно такъ же, какъ Баторій съ его послами. Онъ отправилъ посла назадъ съ письмомъ къ королю, которое начиналось такъ: «Мы, смиренный Иванъ Васильевичъ, царь и великій князь всея Руси, по Божьему изволенію, а не по многоятежному человѣческому хотѣнію». О продолженіи можно догадаться по этому вступленію. Въ изданіи Кояловича, документъ этотъ имѣетъ 23 печатныхъ страницы. Въ немъ Грозный перефразировалъ по своему псалмы Давида и называлъ Баторія Амалекомъ, Сennaхерибомъ и Максенціемъ, жаднымъ до кровопролитія. Далѣе онъ объявлялъ, что если миръ не будетъ заключенъ сейчасъ же, онъ не пошлетъ болѣе пословъ въ Польшу ранѣе 30 или даже 50 лѣтъ и не будетъ принимать пословъ изъ Польши. Онъ категорически отвергалъ ультиматумъ. Болѣе того, возвращаясь къ прежнимъ своимъ условіямъ, онъ уже не хотѣлъ удовлетворяться четырьмя ливонскими городами. Онъ требовалъ оставленія за нимъ 36 городовъ съ Наровой и Дерптомъ и уступалъ только Великія Луки съ 24 небольшими сосѣдними крѣпостями. Это была «его послѣдняя мѣра».

Царь создалъ себѣ нѣкоторую иллюзію относительно силы Поссевина. Его письмо и сопровождающія его инструкціи не застали уже Баторія въ Вильнѣ. Король былъ въ Полоцкѣ и готовился начать съ своей арміей новую кампанію. Іезуитъ и московскіе послы послѣдовали за нимъ туда. Посланникъ папы попытался выступить въ качествѣ посредника. Но Пушкинъ и Писемскій теперь были настолько же неуступчивы, насколько покорны и сговорчивы они были недавно.

Когда Поссевинъ спросилъ ихъ, почему царь измѣнилъ свои предложенія, «Новый завѣтъ уничтожилъ Ветхій» высоко отвѣтилъ Пушкинъ. «Польскій король отвергъ первыя предложенія», продолжалъ онъ, небрежно вертя между своими пальцами соломинку, «теперь царь сдѣлалъ другія и къ нимъ ничего не прибавить». Баторій, съ своей стороны, не болѣе былъ расположенъ къ переговорамъ. Безъ сомнѣнія,

онъ долженъ былъ считаться съ посредничествомъ папы. Онъ объявилъ Поссевину, что отказывается отъ военнаго вознагражденія и разрушенія крѣпостей. При этомъ онъ несомнѣнно, рассчитывалъ, что русскіе не будутъ ловить его на словѣ. И, дѣйствительно, послы Ивана были глухи къ его заявленіямъ. Поэтому, немедленно и рѣзко прервавъ аудіенцію, король объявилъ имъ, что онъ сейчасъ-же выступаетъ и начинаетъ войну и уже «ни изъ-за Ливоніи, а за все достояніе ихъ государя». Иезуитъ понялъ, что настаивать съ этой стороны нечего. Когда онъ заявилъ о своемъ намѣреніи отправиться къ царю, чтобы расположить его къ уступкамъ, ему пожелали счастливаго пути. Польская армія уже трогалась въ походъ.

Баторій хотѣлъ оставить безъ отвѣта послѣднее письмо Ивана. Но окружающіе короля опасались, какъ бы польскія и нѣмецкія газеты не остались подъ впечатлѣніемъ заключающихся въ немъ оскорбленій. До сего времени, проливая кровь, заставляли течь и чернила; надо было продолжать въ томъ же духѣ. Была пущена въ дѣло канцелярія короля. Она изготовила посланіе въ сорокъ страницъ. Чтобы дать должную оцѣнку оскорбителю, въ этомъ посланіи напоминали ему, что мать его была дочерью простого литовскаго дезертира. Нападая на его частную и общественную жизнь, въ посланіи, какъ слѣдуетъ, клеймили его оргіи и кровавыя излишества. Царь упрекнулъ короля въ исканіи союза съ турками: ему удачно противопоставили бракъ его съ мусульманкой Темрюковной и обычаи его предковъ, которые «слизывали кобылье молоко съ гривъ татарскихъ коней». Не забыта была и его нелюбовь показываться на поляхъ сраженія: «и бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, орелъ двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!». Вызовъ на единоборство, слѣдовавшій за этимъ выпадамъ, безъ сомнѣнія, покажется смѣшнымъ. Но нравы эпохи создали такіе прецеденты: Эрикъ XIV вызвалъ на бой Дедлея, въ которомъ онъ видѣлъ своего соперника по отношенію къ Елисаветѣ. Конечно, предполагали, что царь не приметъ этого вызова.

Иванъ не думалъ объ этомъ ни минуты и болѣе, чѣмъ когда-либо, былъ принужденъ «прятаться». Его казна была пуста, страна истощена, деморализованные бояре оставили его почти безъ поддержки.

Въ этотъ моментъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, въ Старицѣ съ нимъ было не болѣе 300 человекъ. Однако, опасаясь, что Баторій направитъ свои усилія на Псковъ, царь добился того, что сосредоточилъ

тамъ сильный гарнизонъ, отборную часть своихъ полковъ. Городъ былъ хорошо обезпеченъ провіантомъ и снабженъ сильной артиллеріей. Иванъ могъ рассчитывать на то, что Псковъ надолго задержитъ поляковъ, что подъ его стѣнами Баторій, не имѣя вспомогательной арміи, встрѣтитъ страшнаго союзника Москвы во всѣхъ оборонительныхъ войнахъ—зиму. И, въ самомъ дѣлѣ, если Поссевинъ прибылъ черезчуръ поздно, чтобы удержать короля, то и королю не удалось начать кампанію достаточно рано.
